

Дорога между Варшавой и Минском

Чем объясняется агрессивная политика польского истеблишмента по отношению к Беларуси? Насколько важной является для варшавской элиты идея о воссоздании польской сферы влияния, аналогичной прошлым границам Речи Посполитой, и какую роль при этом играет технология «карты поляка»? Является ли такая позиция конструктивной и принесет ли она пользу в деле сотрудничества двух народов?

Эти и другие злободневные проблемы двусторонних отношений в конференц-зале редакции обсуждали академик-секретарь [Отделения гуманитарных наук и искусств НАН](#), доктор исторических наук, профессор Александр КОВАЛЕНЯ; сотрудник Института национальной безопасности, кандидат исторических наук Игорь ВАЛАХАНОВИЧ; главный редактор журнала «Беларуская думка», кандидат исторических наук, доцент Вадим ГИГИН; директор [Института истории НАН](#), кандидат исторических наук, доцент Вячеслав ДАНИЛОВИЧ и профессор Белорусского государственного технологического университета, доктор исторических наук Иван ПОЛУЯН.

«СБ»: Хотелось бы поразмышлять об истории возникновения проблем в белорусско-польских отношениях. Является ли нынешняя ситуация в какой-то мере отражением исторических обид и претензий или же она порождена политической конъюнктурой?

А.Коваленя: Диалог двух народов, народов-соседей должен вестись постоянно. И никогда не прекращаться. Поскольку соседи могут жить только в дружбе, без каких-либо необоснованных претензий друг к другу, без какой-либо вражды. Сегодня у нас с Польшей складываются непростые взаимоотношения. Точнее, с польским руководством, с политиками. С простыми гражданами у нас не было и, надеюсь, никогда не будет никаких разногласий, а тем более вражды. Ведь у нас была общая история, и многие общественные и политические деятели работали на благо двух наших народов. Нам не надо постоянно спорить, поляки это были или белорусы, а ценить то огромное наследие, которое они оставили всем нам.

И.Полуян: Надо сказать, что политическое руководство Польши, как мы видим, заняло в отношении Беларуси, мягко говоря, недружественную позицию. Официальная Варшава в последние годы ведет в отношении нашей страны политику, которая ни к чему, кроме конфронтации, не приведет. Известно, что в течение многих лет в Польше активно действуют отдельные группировки политической направленности, которые заявляли о своих притязаниях на часть нашей территории. Я имею в виду территорию бывшей Западной Белоруссии. Они даже сегодня называют ее «крэсами усходними». То есть восточными окраинами Польши. Даже без какого-либо упоминания о белорусах в названии этих земель.

«СБ»: Наверное, стоит отметить, что это пока лишь узконационалистическая, а не официальная позиция?

И.Полуян: Если такие разговоры не опровергаются, стало быть, они поддерживаются. А как

понимать заявление министра иностранных дел Польши на одной из международных конференций в Германии? Пару лет назад он выразился в том духе, что если немцы помогут нам, полякам, вернуть свои «крэсы усходни», то мы вам в ответ вернем ваши восточные земли. Так что делать вид, что ничего серьезного не происходит, не реагировать соответствующим образом мы не имеем права. Это посягательство на суверенитет и территориальную целостность нашей страны. Более того, мы видим и попытки самым откровенным образом вмешиваться в наши внутренние дела. Инструментом подобного вмешательства я считаю и так называемую «карту поляка». Фактически это создание на нашей земле системы польского влияния. Такая политика со стороны Польши нас не может не беспокоить. Мы готовы сотрудничать с любой страной и на Западе, и на Востоке. Но только на равноправной основе, на основе взаимной выгоды и уважения суверенитета.

«СБ»: Вы, наверное, очень удивитесь, но многие российские политики и политологи высказывают сожаление, почему, мол, у России нет такой эффективной технологии, как «карта поляка»... Например, гендиректор Международного института политической экспертизы (Москва) Евгений Минченко сказал: «По крайней мере, их технология с «картой поляка» гораздо эффективнее, чем убогая политика взаимодействия с соотечественниками, которую проводит российский МИД». К сожалению или к счастью, но история и судьба Беларуси такая, что она всегда была между востоком и западом, в центре борьбы за сферы влияния... И вряд ли эта борьба прекратится в ближайшем будущем. Просто происходит она не с помощью бомб и ракет, а посредством так называемой soft power — мягкой силы. Soft power означает влияние на общественные настроения, политические расклады и электоральные симпатии, и этим сегодня занимаются все страны, претендующие на лидерство.

В.Гигин: Но постоянная эскалация напряженности продуцируется именно действиями польского руководства, выдвигающего перед нами нескончаемый поток претензий и требований. Вызвана эта активность польской элиты тем, что в отличие, скажем, от российского имперского проекта, который смог реализоваться в истории, польской имперскости практически никогда не удавалось воплотиться в жизнь. Речь Посполита в полном смысле империей не была, всегда терпела поражения. Но главный исторический соперник поляков — это отнюдь не белорусы. Это россияне. И те, и другие боролись за влияние в Восточной Европе. И в этой борьбе поляки потерпели сокрушительное поражение. Их успехи были редкими и недолгими. Например, в период Ливонской войны, во время Смутного времени в России, когда даже Москву занимали. Но стратегически они потерпели полное поражение. И, скорее всего, навсегда. Нет у Польши ни политического, ни тем более экономического потенциала для реализации своих имперских проектов. Польский империализм — фантомный. У польских политиков есть только исторически неутоленное желание играть в Европе какую-то особую роль, а возможностей нет. Отсюда и попытки польской политической элиты поднять свою значимость за счет претензий к своим соседям. Вот и вспоминают старые обиды, разделы Польши. Но все гораздо полифоничнее. Может быть, кое-кто, тоскующий по былому блеску и величию, хотел бы и Вильнюс у литовцев отобрать, только как? Сегодня это невозможно. Поэтому им ничего не остается, как заниматься околополитическими фантазиями вроде проекта «Речь Посполита-4» и брюзжать, упоминая Минск.

И.Валаханович: Я хотел бы отметить, что обретение Беларусью независимости поставило вопрос о национальном осмыслении многих исторических фактов. Ведь даже белорусско-польские отношения до этого

оценивались не столько с точки зрения Беларуси как суверенного государства, сколько с точки зрения Российской империи, а затем и Советского Союза. Например, то, что расценивалось для Российской империи как положительное событие в истории, для белорусов могло иметь совершенно другую оценку. То же самое можно сказать и в целом о белорусско–польских отношениях начиная с глубокой древности, с периода Средневековья и до наших дней. Взять хотя бы Люблинскую унию и Брестскую церковную унию. Или отношение к трем разделам Речи Посполитой. В новейшей истории это Рижский договор. Их нужно рассматривать в плане того, какой след эти события оставили в истории именно белорусского народа. Можно дать оценку и воссоединению в сентябре 1939 года Западной Белоруссии с БССР. Не так давно мы отмечали юбилей этого события. И можно было сравнить, как оно трактовалось, скажем, у нас и в Польше. Кстати, в национальном осмыслении многих таких фактов наша историческая наука, наша национальная исследовательская школа сделала огромный шаг вперед. Издано очень много исторических документов, серьезных академических трудов по проблемам развития белорусской государственности.

В.Гигин: Тем не менее в последнее время в Польше различными политическими силами стали возрождаться националистические и шовинистические мифы времен Пилсудского. И это стало напрямую ущемлять интересы соседних государств. То есть ухудшение отношений стало происходить не только с Беларусью, но и с Литвой, Украиной, Россией, Чехией и Германией. С этими странами у Польши достаточно напряженные отношения именно из–за того, что польские правители пытаются опрокинуть политику в прошлое.

Мы, надо признать, долгое время на это закрывали глаза. Например, когда шла идеализация фигуры Пилсудского в истории. Но сегодня мы видим, что активно проводится пропаганда так называемой «крэсовой» культуры, на которую работают целые специально учрежденные институты, исповедующие польское наследие «крэсов». Мы нередко слышим заявления некоторых политических кругов о том, что все, что происходило на этой территории, принадлежит Польше и полякам. И что общественные и политические личности, творившие на этой земле, это вовсе не белорусские деятели, а польские.

«СБ»: Неужели сегодня кто–то возьмется всерьез утверждать, будто у государства Беларусь нет ни своей истории, ни своей культуры?

В.Гигин: У некоторых хватает ума и на это. Но подчеркну, что это ни в коей мере не касается отношений белорусов и поляков. Это, к сожалению, проблема осознания польской элитой своего места в Европе, которое затрагивает интересы не только Беларуси, но и Украины, Литвы, России и целого ряда других европейских государств. И как бы мы ни хотели не касаться острых тем, в такой ситуации, которая сложилась сегодня, мы просто не сможем их обойти.

Кстати, и в самой Польше мы наблюдаем сознательно проводимую политику ассимиляции. Вот недавний пример. Всем известно, что Белосток является средоточием белорусской культуры в Польше. Тем не менее под каким–то предлогом белорусский центр переводят из Белостока в Варшаву. Из того места, где проживает больше всего белорусов, переводят туда, где белорусов очень мало. Якобы сделали это из самых благородных побуждений.

В Польше, если есть желание подчеркнуть свою национальную принадлежность, можно написать «белорус» только после указания, что ты «поляк», — считается, что это указывает на принадлежность к гражданству. Я вижу в этом даже прямые нарушения хартии о национальных меньшинствах, которая принята в Европейском союзе.

В.Данилович: Несмотря на то, что с 1385 года существовала династическая уния между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским, польская элита и тогда не

рассматривала ВКЛ как равноправного, полноценного союзника. А всегда стремилась использовать потенциал ВКЛ для продвижения своих политических, экономических и социальных интересов, чтобы расширить свою сферу влияния на другие страны.

То есть корни такой политики уходят далеко в глубь столетий. И что бы было с белорусским языком, с культурой и даже с самими белорусами, если бы в 1939 году не произошло воссоединение белорусских земель, можно видеть на примере Белосточчины. Там почти в 10 раз сократилась численность белорусов. Комментарии вряд ли нужны.

А.Коваленя: История — это наука, изучающая прошлое. Но она учит строить будущее так, чтобы не повторять ошибок прошлого. Мы вместе с поляками жили когда-то в одном государстве. Мы вместе боролись с нашим общим врагом. Вспомните Грюнвальдскую битву в 1410 году, когда объединенное войско представителей белорусского, русского и польского народов разгромило Тевтонский орден. И заставили на 500 лет забыть о том, что такое «дранг нах остен». У нас сегодня хватает проблем, которые мы могли бы вместе с пользой для всех нас решать.

Да, был в истории несправедливый Рижский мирный договор, который в 1920 году разделил наши земли. Давайте не акцентировать внимание только на негативных фактах прошлого. В истории было все. Ее уже не изменить. Начнем жить теми проблемами, которые есть сегодня и которые ждут нас в будущем. Поэтому не надо идти вперед, глядя назад. Если на политическом уровне не удастся найти согласия, давайте развивать народную дипломатию. Если наши народы будут жить в дружбе, рано или поздно политики повернутся лицом друг к другу.

И.Валаханович: История не может быть ни плохой, ни хорошей. Она такая, какая есть. Но изучение знаковых событий в истории того или иного народа, оценка их приводят к установлению определенного вектора в массовом сознании, который прослеживается и в литературе, и в кинематографе, и в политике. Важно, чтобы они не были направлены друг против друга. Сегодня в Польше историками четко сформирована национальная оценка любого события в польской истории. И даже тех, которые в одинаковой степени касаются истории белорусов. Да, события 1939 года для поляков — это трагедия, утрата части территорий. И этому периоду у них посвящена масса исследований, выпущена масса литературы. Эта работа ведется целенаправленно на государственном уровне. И все это влияет на формирование общественного сознания, на сознание каждого человека. Для нас же события 1939 года — воссоединение белорусов в рамках одного государства. И это великая дата в национальной истории, если хотите, восстановление исторической справедливости.

«СБ»: А что сделали наши ученые для национального прочтения фактов исторического прошлого? Насколько велико влияние исторических трудов уважаемых мэтров на формирование самосознания белорусов? Ведь если белорус знает свою историю и гордится ею, то никто ее не украдет, так как невозможно украсть то, что у людей заложено глубоко в сознании...

В.Гигин: К сожалению, у нас нет ни одного памятника, посвященного воссоединению белорусского народа. Как нет и достойных памятников Вере Хоружей, Притыцкому... Скоро исполняется 100 лет со дня рождения Максима Танка. А ведь он был настоящим песняром освободительной борьбы народа Западной Белоруссии. Мне кажется, что эти вопросы обращены к Министерству культуры. По-моему, собираются установить памятник поэту только на его родине, на Мядельщине, а ведь Танк был почетным гражданином Минска и, по моему мнению, достоин монумента в Минске, равного памятникам Купале, Коласу и Богдановичу.

Я согласен, нужно призвать общественность двух стран к диалогу, развивать народную дипломатию. Но мне кажется, что условием для этого могло бы быть объявление моратория на политические резолюции, которые касаются каких-то исторических событий. Для Польши характерна именно такая практика: рассматривать в сейме какие-то исторические события и принимать политические документы с политическими оценками. А потом еще и проводят через ПАСЕ и козыряют ими как аргументом.

И.Валаханович: Я противник того, чтобы искать какие-то субъективные обоснования своей правоты в истории. Это, по крайней мере, не научный подход. Не должно быть такого в сегодняшней политике, когда кто-то пытается отомстить за обиды, нанесенные, скажем, в XIV веке.

И когда на основе такой некорректной оценки истории создаются литературные произведения или снимаются фильмы, это начинает формировать общественное сознание. Людей уже потом очень сложно убедить, что это не так.

В.Гигин: Я тоже против того, чтобы изыскивать какие-то фактики из истории и их политизировать. В научной среде такого нет. Но мы говорим о массовом сознании. Вот смотрите. Вышел у нас фильм «Дед Талаш». Возможно, не самая лучшая с художественной точки зрения картина. Но это экранизация одного из крупнейших произведений белорусской литературы, написанного Якубом Коласом. Поляки в ярости. Точно так они реагируют на произведение Гоголя «Тарас Бульба». Да, наши оппоненты в Польше болезненно реагируют на это. Но почему мы должны забывать о своих героях?

Начиная с Кревской унии 1385 г. польская элита пыталась навязать литовско-русскому государству свою волю, язык, культуру. Это встречало ожесточенное сопротивление. Андрей Полоцкий, князья Чарторыйские, Гольшанские, Олельковичи, Глинские, Ходкевичи боролись против польской экспансии, на разных этапах выступали против унии с Польшей. Наконец, крупнейшее народное восстание в истории Беларуси — освободительная война 1648 — 1651 гг. носила ярко выраженный антипольский характер.

А мы со своей толерантностью, получается, часто сидим в своих окопах, забываем собственную историю, героев и ничего не замечаем. А когда замечаем, бывает уже поздно.

А.Коваленя: Но сегодня мы не должны видеть вокруг себя только врагов. Мы должны видеть и защищать свои национальные государственные интересы. Строить свою идеологическую базу на основе исследований и разработок наших историков. И если в нашей истории будет все меньше белых пятен, а идеология будет наполнена объективными знаниями о собственной истории, на чем, собственно, и основывается патриотизм, никакая внешняя культурная или политическая экспансия нам не будет страшна.

В.Данилович: И здесь очень важна поддержка государства, которое бы объединило усилия ученых, государственных и общественных организаций. И только тогда мы сможем сформировать в обществе те взгляды и убеждения, которые присущи действительно независимому государству.

В.Гигин: Недавно премьер Великобритании Дэвид Кэмерон был с визитом в США, встречался с Бараком Обамой. Визит совпал с 200-летием известной войны между США и Великобританией. Тогда британские войска взяли Вашингтон. Сожгли при этом Белый дом и так далее. Противоречий между ними было немало в истории. И тем не менее история никоим образом не разъединила их. Никакой вражды, никаких претензий. Вот действительно мудрый подход, чему мы должны учиться. Есть, безусловно, немало негативного и в белорусско-польских отношениях. Но какой смысл нам и им вспоминать

прежние обиды, поднимать снова эти проблемы? Хотя забывать историю тоже было бы неправильным.

У нас есть общие деятели культуры, такие как Мицкевич, Ожешко, которые родились на территории современной Беларуси. Нужно ли нам их делить? Мне кажется, что нам нужно сегодня актуализировать поиск общего и в то же время сильного пути. Мы должны выработать свою точку зрения на историю. Иначе Беларусь будет всегда проигрывать в этом идеологическом споре. Президент формулировал эту точку зрения неоднократно. Выступая, в частности, в прошлом году на педагогическом совещании в Минске, он сказал, что нам нужно выработать свой национальный подход к истории. Поэтому, я считаю, перед нашими учеными поставлена задача, государственный заказ на формирование национально–государственного видения места Беларуси и в истории, и в настоящем. Именно отсюда и будут выработываться общие подходы, общие позиции с теми же поляками.

Лучший лекарь, конечно, время. Многие проблемы современной Польши, в частности их взаимоотношения с соседями, связаны с приходом политиков поколения «Солидарности». Это, говоря термином Гумилева, пассионарные личности, которые пришли к власти на волне антисоветизма. А современная Беларусь все–таки имеет в основе советский субстрат. Есть множество противоречий во взглядах, как относиться к прежней символике, как оценивать события 1939 года и так далее. На это они реагируют достаточно болезненно. И пока не уйдет это поколение, на серьезные положительные сдвиги в наших отношениях сложно будет рассчитывать.

И.Полуян: Помимо работы наших историков, как мне кажется, нужно параллельно активизировать и политиков. Выдвигать свои инициативы, предложения по разрешению существующих сегодня противоречий между нашими странами. Но выстраивать свои отношения мы должны на основе принципов территориальной целостности, уважения наших законных национальных интересов.

В.Гигин: При всех сложностях наших отношений я все же сохраняю определенный оптимизм. И причин этому несколько. Например, тот же премьер Туск при всей его включенности в контекст евросоюзовского неприятия политического режима в Беларуси настроен более реалистично в этом плане. И я думаю, что реалистическое русло в польской внешней политике возобладает.

Почему? Потому что, во–первых, имперский проект «4–й Речи Посполитой» братьев Качиньских об особой роли Польши в регионе фактически потерпел крах. Все больше и больше политиков стали реалистичнее оценивать положение Польши в системе мировой политики. Во–вторых, с точки зрения экономики Польше нечего в отличие, скажем, от России или Китая предложить Беларуси. У них нет таких объемов инвестиций, нет объема рынка, которые бы они могли презентовать своим потенциальным партнерам. Конкурировать с Китаем, Россией или США они вряд ли когда–нибудь смогут. В–третьих, все государства региона прекрасно понимают, что за Польшей стоит Вашингтон. Не уверен, что США диктуют им идеологию, но что касается политических шагов, они, безусловно, согласовывают их с американцами. И Литве, Украине, России и Беларуси гораздо проще договориться напрямую с Вашингтоном, чем с Варшавой. И в–четвертых, тот негативный исторический контекст отношений с Польшей, вызванный и противоречиями с Литвой, с Украиной, в частности по поводу Галиции, с Россией и Беларусью по поводу Рижского мирного договора и пакта Молотова — Риббентропа, все это никуда бесследно не уйдет. Политические элиты и в Минске, и в Киеве, в Вильнюсе, и, думаю, в Риге, все они вряд ли сегодня в достаточной степени доверяют Варшаве. И, в конце концов, все это заставит польскую политическую элиту более реально смотреть на свои возможности. И не замахиваться на проекты, которые им не под силу.

А.Коваленя: Но в любом случае перед нашими историками, обществоведами стоит своя задача, которую мы будем выполнять независимо от того, какие отношения у нас будут складываться и с Польшей, и с Соединенными Штатами, и со всеми другими странами. И задача эта состоит в формировании мировоззрения наших граждан, подрастающего поколения в русле национально–государственной идеологии Беларуси.

В.Данилович: Среди ученых, а мы с польскими историками находимся в постоянном контакте, понимание полное. Да, у нас есть немало разногласий по поводу трактовки тех или иных событий и фактов в истории. Но мы и они понимаем, что каждый имеет право на свою точку зрения. И если какая–то из сторон предоставляет дополнительные документальные данные, мы их изучаем, вносим корректировки.

Рано или поздно, но польская политическая элита поймет бесперспективность своей политики в отношении Беларуси. Ведь эта, по сути, порочная политика всегда приводила к проблемам в самой Польше. Вредила ее интересам. История это только подтверждает. Вспомним ситуацию в преддверии Второй мировой войны. Тогда Польша из–за своих имперских амбиций фактически оказалась в изоляции со стороны стран–соседей. Вместе с Германией она разделила Чехословакию, оккупировала доставшуюся ей часть. Постоянно интриговала с Венгрией, Румынией, вела откровенно антисоветскую и антилитовскую политику. И в результате к чему это привело? К оккупации нацистской Германией, а в итоге превращением в «генерал-губернаторство» рейха.

Уверен, что и мы не должны сидеть и ждать, пока польская политика по отношению к Беларуси войдет в нормальное разумное русло. Нам нужно формировать свой национальный взгляд на свою историю, укреплять государственную идеологию, укреплять государственность.

Нина РОМАНОВА, Иван КИРИЛЕНКО

Фото: Виталий ГИЛЬ